

ГРИГОРИЙ РЖЕШЕВСКИЙ

О российской идее Игоря Чубайса

Рецензировать труд Игоря Чубайса, посвященный такой серьезной теме, как *русская* или *российская идея*, с одной стороны, не так уж и сложно — чуть не на каждой странице есть к чему прицепиться, с другой — очень даже не просто. Во-первых, слишком масштабна и актуальна тема. Во-вторых, сугубо идеологический по своему характеру текст содержит явные претензии на научность. Противопоставлять одну идеологию другой — задача одного плана; анализировать логику автора и разбирать приводимые им аргументы с научных позиций — задача совсем другая. Сплошь и рядом эти задачи приходится решать одновременно. В данном случае трудность заключается в том, что автор дает слишком много серьезных поводов для критики. Если разбирать все спорные тезисы или фрагменты рецензия, пожалуй, могла бы оказаться по объему не меньше оригинала. Исходя из этих соображений от развернутой рецензии вообще следовало бы отказаться. Но уж очень важная и интересная тема.

И. Б. Чубайс. Российская идея. М., Издательский центр «Аква-Терм», 2012. 488 с.

Несколько слов о заявленных намерениях автора

В аннотации к книге говорится, что автор «представляет целостное, философское решение проблемы...», анализирует *российский цивилизационный маршрут* в живой публицистической форме (С. 2). Конечно, философское решение, строго говоря, не обязательно означает разработку научного знания: речь здесь может идти о выработке мировоззренческих основ. Но даже и в этом случае мы вправе оценивать работу в части ее методологии, и такая оценка была бы сродни научной, поскольку вопросы методологии связаны как с философией (ее продукт), так и с наукой (ее инструмент). Кроме того, сам автор в предисловии (см. С. 4, 5) говорит в том числе и о науке, о необходимости развития такой дисциплины (по-видимому, научной), как *россиеведение*. Поэтому если и не всесторонний научный анализ, то оценка методологии работы И. Чубайса является вполне уместной. Ну а что касает-

ся содержательной основы, то ее, честно говоря, касаться вообще бы не хотелось, да и сделать это в рамках рецензии, по вышеупомянутой причине, было бы невозможно. Тем не менее поскольку эта самая «содержательная основа», вообще говоря, составляет основной объем текста, то без комментариев в отношении отдельных ее фрагментов обойтись все же не удастся.

Сама постановка вопроса о необходимости разработки «русской идеи», «российской идеи», «российского цивилизационного маршрута» заслуживает всяческого уважения и поддержки. И в этом плане И. Чубайс проявил себя как один из самых активных деятелей. Российская идея не изобретается автором, а выстраивается им в результате исследований в рамках «россиеведения» — дисциплины, которая, в предложенном И. Чубайсом формате, действительно не изучалась, хотя все составляющие ее аспекты, конечно же, исследовались в рамках иных дисциплин. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о плодотворности выделения «россиеведения» как самостоятельной дисциплины остается открытым, и здесь не хотелось бы высказывать какого-либо однозначного мнения. Следует только заметить, что факт наличия в некоторых высших учебных заведениях кафедр москвоведения или украиноведения (см. С. 4) сам по себе вовсе не является аргументом. Возможно, что «российскую идею», «российский цивилизационный маршрут», следует, как и раньше, разрабатывать в рамках традиционных исторических дисциплин.

Главным, однако, представляется вопрос о методологии исследования особенностей российской цивилизации. Дело в том, что, оперируя фактами и аргументами всякого рода, никакой причинно-следственной связи между этими сферами автор не прослеживает. Своей методологией он заявляет «*анализ ключевых ценностей и идей*¹», «*анализ общества через выявление и изучение порожденной им и порождающей его идеи*». (С. 75). Он апеллирует к авторитету Ф. М. Достоевского, известных русских философов-идеалистов и даже самого Платона: «Если

в античности Платон утверждал, что изначально существуют не телесные образования, а их эйдосы, или вечные идеи, порождающие все многообразие преходящих материальных объектов и процессов. ...Если идеи правят миром, то метод, зародившийся в античности и продолженный русской философией, давно пора принять и применить для изучения конкретных социальных процессов» (С. 75).

Замечу, однако, что и в Древней Греции для изучения конкретных процессов, в том числе и социальных, в том числе и самим Платоном (не говоря уже о таких ученых, как Гиппократ, Пифагор и др.), действительным предметом анализа были вовсе не эйдосы, а реальная действительность; другое дело — присущая традициям античности форма рассуждений, которую И. Чубайс воспринял как суть исследовательской методологии. В результате новые идеи у автора рецензируемой книги выводятся на основе (или как бы на основе) идей предшественников, а факты из сферы материальной жизни используются лишь для их иллюстрации и подбираются весьма произвольно.

Рассуждая о методологии на более конкретном уровне, следует отметить чрезмерную упрощенность анализа (при том что переработан действительно огромный материал). Методология И. Чубайса в рамках анализа «российского цивилизационного маршрута» в чем-то сродни подходу того самого незадачливого «химика» (из приводимого Гегелем хрестоматийного примера), который хотел понять, что такое «мясо», разложив его на химические элементы. Между тем любую цивилизацию в принципе невозможно понять без учета того очевидного факта, что человечество развивалось и продолжает развиваться *неравномерно*.

И действительно: письменность у восточных славян появилась почти на две тысячи лет позже, чем у древних греков и римлян. Собственных достижений мирового значения на этапе, аналогичном средиземноморской античности, предки восточных славян не знали. Первое крупное относительно устойчивое государство образовалось на Руси почти на тысячу лет позже, чем в Европе; первый университет — позже почти на шесть веков, и т. д. Тем не менее история ускорялась, и при

¹ Здесь и далее при цитировании сохранено авторское выделение текста.

сравнении исторического опыта Западной Европы и России мы можем наблюдать (с некоторыми оговорками) постепенное сокращение цивилизационного разрыва. Впрочем, то обстоятельство, что с некоторыми иными странами (к примеру, Тропической Африки) этот разрыв, напротив, возрастает, свидетельствует о том, что сокращение цивилизационного разрыва не является всеобщим законом. Очевидно, что такое сокращение не происходит само по себе даже при редком сочетании благоприятных обстоятельств. Как правило, для этого необходимы специальные усилия, а значит — нужен общенациональный (или общегосударственный) масштабный социальный проект.

В результате реализации подобных проектов цивилизационное отставание сокращалось; когда же они запаздывали — начинался застой и отставание увеличивалось. Россия всегда была вынуждена догонять. Когда ситуацию пытались «подморозить», то за временной стабилизацией с большой вероятностью следовала катастрофа, избежать которую возможно было лишь при особо благоприятном сочетании обстоятельств, которых в последние полтысячи лет в России не наблюдалось. А вот, к примеру, Великобритания никогда не нуждалась в радикальном социальном проекте: достаточно было поддерживать инициативу авангардных групп своего населения и проводить постепенные реформы по мере изменений требований мирового рынка и геополитической ситуации².

Не занимаясь специально изучением «британского цивилизационного маршрута», рискну предположить, что «британоведы» не смогли бы сказать ничего путного об этом маршруте без учета того факта, что становление Англии происходило в условиях, когда одновременно существовали не только страны-конкуренты (с которыми, очень кстати, не было сухопутной границы), но и огромное количество стран, территорий, народов второго

и третьего эшелон развития, из которых можно было черпать ресурсы в объемах, ограниченных только тоннажем торгового флота. Если бы не этот фактор, цивилизационный маршрут Англии наверняка был бы совсем иным. Иным был бы он и у России — как, впрочем, и у любой другой крупной страны второго эшелона развития, если бы она не развивалась в окружении более передовых стран, тем более на исторических этапах, когда захват территорий («собираение земель») являлся важнейшей частью «национальной идеи» едва ли не всех более или менее крупных стран и народов.

Игнорирование фактора разновременности цивилизационного старта является, на наш взгляд, серьезнейшей методологической ошибкой, порождающей многие прочие просчеты и нелепости. Первым прямым следствием такого упрощенного подхода является непонимание того обстоятельства, что взаимодействующие на каком-то этапе страны и народы находятся — в силу вышеупомянутых объективных причин — на качественно разных стадиях развития. Когда-то Талейран (тайный информатор российского императора) писал Александру I, что, мол, в России — цивилизованный император и нецивилизованный народ, а во Франции — наоборот. Насчет Наполеона Талейран, конечно, соврал (впрочем, он знал, что делал), но суть явления выразил точно. А суть эта состояла в том, что слой цивилизованных людей, ни в чем не уступающих западноевропейцам, в России, конечно, был, но был он чрезвычайно тонким, несравнимо более тонким, чем на Западе. Что же касается социальных низов, то до 1861 года большая их часть попросту состояла из рабов (о мнении И. Чубайса по этому вопросу чуть позже).

Вплоть до начала XX века Западная Европа и Россия были не просто обществами с ранним и поздним цивилизационным стартом (строго говоря, все стартовали в разное время) — это были общества разных социально-экономических формаций. Даже у людей (европейцев и россиян) с примерно равным уровнем таланта и образования культурные коды не просто различались (что вполне естественно), но (в интересующих нас аспектах) различались коренным образом. А это означает, что если

² Автор отражает традиционную точку зрения на эту проблему. Об иной позиции см., например, в работе: **А. И. Фурсов**. Великая тайна Запада: роль формационных и цивилизационных факторов в создании европейского исторического субъекта. — «Европа: новые судьбы старого континента». Т. 1. М., 1992. С. 13—70.

в нормальных ситуациях «такие люди» вели бы себя примерно сходным образом, то в критических ситуациях они могли действовать совершенно по-разному, причем даже вне зависимости от каких-либо попыток внешнего (идеологического, пропагандистского) воздействия на их сознание.

Так, внук раба, едва успевший оформить в собственность свой надел (к началу войны его оформило менее трети бывших общинников), в критической ситуации будет вести себя совсем не так, как, скажем, крестьянин, у которого уже прапрапрадед был полноправным гражданином и законным землевладельцем (или защищенным законом арендатором). И это даже при сопоставимом культурном уровне! С одним еще можно о чем-то договариваться, другой же — в отсутствие неизбежной угрозы строгого наказания и будучи при этом вооруженным — будет восприимчив только к словам, идущим в унисон с его инстинктивными стремлениями: ни о чем ином с ним договариваться не получится.

И дело тут вовсе не в каких-то генетических особенностях того или иного народа. Дело, если хотите, в прочности более поздних элементов культурного кода. Условно говоря, те элементы культурного кода, которые закреплены многими поколениями, так или иначе проявят себя в любой ситуации. А вот аналогичные элементы, только начавшие складываться, могут примерно так же формировать поведенческие модели в относительно благоприятных ситуациях, но отходить на второй план (а то и вовсе перестать проявляться) в ситуациях критических, уступив место тем элементам культурного кода, которые сложились на более ранних стадиях формирования социума.

Так что русская солдатская масса после трех лет окопной войны вела себя не так, как французская или немецкая; и происходило это вовсе не из-за козней большевиков, роль которых к февралю 1917-го была ничтожной, а из-за того, что это была в значительной мере масса вооруженных внуков рабов. А часть этих внуков сама была порота розгами не так уж и задолго до войны, в ходе карательных экспедиций своих будущих командиров (в 1905—1907 годах).

Иная ситуация в царской дореформенной армии не должна вводить в заблуждение. Там культурный код был однород-

ным: внешние пласты мало отличались от глубинных (внук раба, сын раба, сам раб — притом глубоко верующий). Солдат безропотно готов был идти на смерть по многим причинам: по окончании почти пожизненного срока службы его никто и нигде не ждал, у него не было шанса вернуться к родному очагу, к своим близким, к своей земле. Ничего у него не было, кроме веры в Бога, в почти сказочного царя-батюшку и в своих товарищей. А *за други своя* и умереть не страшно. При этом участие в военных действиях давало наиболее способным и смелым солдатам какой-то шанс продвинуться по службе, а значит — и перспективу встретить жизненный закат в своем доме в кругу семьи.

Солдат Первой мировой был совсем иным: у него была семья, дом, земля. К перспективе преждевременной гибели он относился иначе. Серьезных карьерных амбиций у большинства рядовых солдат не было. Основное их стремление — дослужить положенный срок (в мирное время) и вернуться домой. Ну а в случае войны — уцелеть, и опять же — поскорее домой. Сражаться за геополитические интересы (за Сербию и Францию, за Варшаву, Ригу и Львов, за проливы) они могли, но недолго и, конечно, при нормальном обмундировании, питании, вооружении. Просто «стоять и умирать», как велел своим бойцам в 1812 году граф Остерман-Толстой, мало кто был готов (большинство *готовых* выбили на первых этапах войны). Так что, хотя активные противники монархии (большевики составляли ничтожную их часть) внесли свою лепту в развал армии и страны, главными виновниками катастрофы были, конечно, не они, а те, кто слишком долго «подмораживал» российскую действительность и руководствовался уваровской национальной идеей («самодержавие, православие, народность»).

Впрочем, возвращаясь к первоначальной последовательности изложения, еще раз подчеркнем, что в работе И. Чубайса не были учтены факт разновременного цивилизационного старта и фактор одновременного сосуществования и активного взаимодействия государств и народов, находящихся на разных этапах общественно-экономического и культурного развития. Наличие в тексте эпизодических сравнений того, «как у них», и того, «как у

нас», не только не смягчает, но лишь подчеркивает отмеченное обстоятельство.

Русская история в интерпретации И. Чубайса

Помимо отмеченного методологического изъяна обращает на себя внимание и отсутствие даже попытки анализа российских катаклизмов с учетом новейших теорий неравновесного развития, предполагающих возможности прохождения отдельных этапов развития через так называемые точки исторической бифуркации, моменты сингулярности, когда социумы начинают себя вести совершенно «не по правилам». В периоды социальной «турбулентности» говорить об ответственности весьма проблематично просто потому, что законы развития общества фактически перестают работать. Формула Ф. Достоевского, неоднократно повторяемая И. Чубайсом, согласно которой «если Бога нет, то все позволено», может быть обращена не столько против безбожников, сколько против Бога, который сначала был, а потом вдруг исчез или позволил в себе усомниться.

Именно в моменты «социальной сингулярности» Бог «исчезает», и тогда люди делятся на две неравные части: для одних становится «все позволено», а для других продолжает действовать кантовский внутренний нравственный закон. Этот закон может быть усвоен в том числе и на основе религиозного учения, но сохранять свою действенность и в случаях ослабления (и даже полного прекращения) веры в Бога. Чем больше первых, тем больше вероятность перехода кризиса в крайние стадии (срыв в турбулентность); чем больше вторых, тем больше шансов удержать ситуацию под контролем. Но от чего зависит это соотношение? Да от всей предыдущей истории развития социума, и в особенности той ее части, которая прочно уложилась в народной памяти (а это история жизни по крайней мере несколько поколений), от сложившегося культурного кода государствообразующего народа и, между прочим, от кодов всех остальных народов империи, также вдруг ставших активными действующими лицами. Причем эти «остальные» народы в период острого кризиса активизируются одновременно (в отличие от предшествующих этапов) и могут действо-

вать по отдельным ключевым вопросам в одном направлении, что создает (пусть на короткий период, а дольше — и не надо) возможность смещения основного вектора развития всей страны.

Все эти моменты, конечно же, должны были быть приняты во внимание при разработке методологии исследования, направленного на решение вопроса (а И. Чубайс претендует именно на *решение!*) о национальной идее. Но ничего похожего в работе автора нет. Несмотря на обширность используемого материала методология исследования представляется весьма упрощенной. В двух словах цивилизационный маршрут России представляется так: поступательное движение до 1917 года вперед и вверх, затем в результате воздействия прежде всего внутренних подрывных сил происходит катастрофа, разрыв преемственности, рывок в сторону исторического тупика. Далее, спустя 75 лет, — опять перелом, опять катастрофа, опять смута, и страна несется уже в сторону другого тупика. (Внешний контекст, роль которого, конечно, со временем только усиливается, учитывается в самой минимальной степени.) Выход, ясное дело, — в возвращении на тот вектор развития, по которому страна развивалась до 1917 года (с некоторыми, разумеется, корректировками). Решение столь же очевидное, сколь и упрощенное, и главное — не имеющее отношения к тем реальным механизмам, которые действительно могут быть запущены и действительно имеют шанс на успех в плане выхода страны из системного кризиса.

Теперь о деталях. Некоторые из них, пожалуй, впечатляют не меньше, чем методологические особенности работы. Касаются они соответствия реальности исторического развития России тому представлению, которое выдвигает И. Чубайс. Начнем с самого важного и самого показательного примера. Пытаясь дать более респектабельный образ российской истории до 1917 года, автор утверждает, что рабства в России никогда не было (см. С. 85). Затем развивает этот тезис высказываниями, что, мол, «крепостной — это не раб», и «откуда вообще берется негативная оценка крепостного права?» (см. С. 87); приводит даже «свидетельства» публицистов-крепостников, доказывающих, что жизнь российских крепостных (ра-

бов) более сносна, чем жизнь свободных крестьян в западной Европе (см. С. 143).

Можно, конечно, представить множество литературных источников в подтверждение любой версии. Наверняка можно найти и примеры, когда честный и порядочный помещик относился к своим крестьянам, как к детям родным. Но нас интересуют не отдельные примеры, а суть дела. А потому лучше всего обратиться даже не к классикам великой русской литературы, большинство из которых давало безошибочно точные характеристики русского строя. Обратимся не к писателям, а к наиболее авторитетному разработчику проектов российских реформ — М. М. Сперанскому (кстати, даже И. Чубайс упоминает его в положительном контексте).

Вот несколько строк из его статьи «О крепостных людях»³: «Во времена Уложения два рода людей были в крепостном состоянии: крестьяне и дворовые люди. Дворовых людей было три рода: 1) старинные, полные холопы; 2) кабальные люди; 3) деловые люди.

1) Полные холопы. Власть над ними, исключая права жизни и смерти, была почти неограниченна: их можно было продавать, закладывать, дарить и в приданое отдавать. Они были в истинном смысле собственность господина и причислялись к животным его, т. е. к движимому имуществу, с тем только различием, что в праве по сему имуществу разбиралось в особенном Приказе, именованном Приказом Холопим» (С. 161). «Сей вещей порядок, с некоторыми частными отступлениями, продолжался от Уложения до 1719 года. Первая ревизия произвела в нем важные изменения. ...Возникли два понятия о крепостном личном праве: 1) что крестьяне и холопы пред Правительством суть одно и то же; 2) что те и другие равно суть принадлежность лица, а не земли, ибо не за землю и не по земле, но за помещиком они положены в ревизии» (С. 163).

И далее: «Существо нового или настоящего крепостного права состоит кратко в

следующем: I. Крестьяне, равно как и земля, на коей они живут, принадлежат помещику. Земля составляет недвижимое его имущество, а *крестьяне суть имущество его движимое*. ...II. Дворовые люди, из какого бы состояния первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помещика, как и крестьяне; никакого существенного различия закон между ними не полагает. Владелец, не имеющий земли, может приписать их в ревизии к своему дому; но как дом без них, так и они без дому проданы быть могут. ...При сравнении сих двух систем нельзя не признать, что последняя из них тягостнее и ближе к неволе, нежели первая... От права продажи крестьян без земли, от права отдавать их в рекруты без очереди лицу крестьянина соделалось вещью, действительным имуществом, коим владелец может располагать по произволу, а сей произвол сколь часто бывал, да и ныне еще иногда бывает жесток и злоупотребителен, — то доказывают дела и опыт» (С. 166). В другом месте М. М. Сперанский прямо указывает: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»⁴.

Нужны ли еще какие-либо пояснения и комментарии для уяснения сути того строя, который существовал в России с 1719-го по 1861 год? По-моему — нет. До 1719 года в отношении крестьян действовало по преимуществу крепостное право, после 1719 года почти на полтора столетия — преимущественно рабство. Дотошный архивист, конечно, может привести и примеры указов, ограничивающих рабство и предписывающих помещикам заботиться о своих крестьянах. Но вполне очевидно, что при сохранении основополагающих уложений эти указы играли не большую роль, чем современные запреты на коррупцию.

Попутно заметим, что Уложение 1719 года, похоже, вовсе не преследовало цель умалить права крестьян в пользу помещиков. Оно вводилось для упорядочения набора рекрутов и сбора налогов в период еще не закончившейся войны со Шведией. Уложение было не в пользу помещиков, а в пользу бюрократии, которой так

³ Последующие фрагменты (с указанием страниц), относящиеся к данной статье, приведены (за вычетом моих комментариев, данных курсивом) из книги: М. М. Сперанский. План государственного преобразования графа Сперанского М.М. (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 2004.

⁴ <http://grachev62.narod.ru/leist/chapt19.htm>

проще и удобнее было осуществлять свои функции. Дворяне сами были во многом ущемлены в правах и обременены серьезными обязательствами перед государством: усиление обременения в условиях мобилизационного режима происходило в отношении всех социальных слоев. Основные ужасы рабства проявились по мере начавшейся при Екатерине II либерализации режима в отношении дворянства, которое в полной мере получило возможность наращивать свое благополучие за счет сверхэксплуатации крепостных крестьян, превращенных в рабов.

Конечно, трудно предположить, что современный разработчик *российской идеи* И. Чубайс не понял того, что за 200 лет до него понял М. М. Сперанский. Здесь может быть только одно объяснение: работа И. Чубайса на все 100 процентов идеологична, а наука в ней — не цель и даже не средство: ведь для манипуляции *эйдосами* наука, вообще говоря, не очень-то и нужна. Хотя, как известно всем авторам, отдельные околонучные фрагменты всегда украсят любую концепцию, и редко кто отказывается от использования таких приемов. А потому, хотя расстановка акцентов — естественное право идеологов, но сознательное и грубое искажение картины реальной действительности приближает идеологическую работу к разряду фальсификаций.

Отмечу также, что в своей работе И. Чубайс явно преувеличивает роль надстроечных и субъективных факторов общественного развития. Вот лишь один из примеров такого рода. Автор пишет: «В основе социальной доктрины ленинизма лежат концепция и методология классовой борьбы, служащей источником прогресса и причиной перехода от одной общественно-экономической формации к другой» (С. 69). И далее: «Чтобы понять, в каком направлении движется то или иное общество, государство, человечество в целом, следовало выявить, из каких классов оно состоит, и в какие отношения эти классы вступают. В этом, говоря кратко, состояла основа марксистско-ленинской социальной методологии» (С. 70).

С первой половиной первой фразы (насчет социальной доктрины) можно согласиться. Но когда И. Чубайс приписывает марксистско-ленинской методологии представление о том, что классовая борьба

будто бы сама по себе является причиной перехода от одной общественно-экономической формации к другой, и что направление общественного развития будто бы определяется классовой структурой общества, он явно демонстрирует свое элементарное неведение в части основ марксизма. Между тем еще полтора столетия назад в Предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производительные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества...»⁵ Нужны ли здесь дополнительные комментарии? Едва ли.

Нельзя также не обратить внимания на свойственное автору явно преувеличенное представление об успехах пореформенной России (см. С. 92—98, 374). Успехи безусловно были, и порой — весьма значительные. Следует ли однако всецело доверять тем оптимистам-теоретикам, которые накануне Первой мировой войны предрекали России выход к 1930 году на первое место в мире по уровню ВВП (см. С. 98)? Истинная проблема, однако, состояла в структуре роста, а также в степени ее соответствия тем вызовам, которые в тот период стояли перед страной. Две проигранные войны дают ответ на вопрос о реальной цене успехов. Как, впрочем, свой ответ (совершенно иной) дает и война выигранная (причем в гораздо менее благоприятных условиях). Наконец, ответом своего рода стала и катастрофа 1990-х годов.

Помимо общих соображений следует привести и некоторые объективные данные, противоречащие представлениям И. Чубайса. Так, например, по такому показателю успешности развития, как средняя продолжительность жизни Россия в конце XIX века, которая в полтора раза отставала от средневропейского уровня: 30 лет (для мужчин) по сравнению с 45 годами, к примеру, в Германии (в разных источниках разброс не более полугода); тогда как, по некоторым данным⁶, средняя продолжи-

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 13. С. 7.

⁶ См. www.from-ua.com/nocomments/40b8593ecbfdd.html

тельность жизни населения Древней Руси (то есть до порабощения крестьянства) колебалась в разных землях в пределах 33—44 лет. Ну а когда автор пытается нас убедить, что в начале XX века Российская империя и в решении социальных вопросов была впереди планеты всей, тут уж остается только руками развести. Попутно брошенная фраза о том, что зарплата российских рабочих была самой высокой в Европе и уступала только американской (см. С. 93) говорит о многом.

Впрочем, почему же этому не поверить, когда сам президент США У. Тафт будто бы заявил российской делегации: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может» (см. С. 95). И это в год Ленского расстрела 1912 года! Причем эпизод этот вовсе не был квалифицирован правительством как выходящий за рамки сложившейся практики, ибо сам министр внутренних дел А. Макаров в связи с массовым расстрелом рабочих публично произнес на заседании Думы свою надолго запомнившуюся всем фразу: «Так было, так будет!» Если социальную практику оценивать не по реальным делам, а по отдельным фрагментам отдельных законов, то методами И. Чубайса вполне можно доказать, что самое демократическое и правовое государство у нас было при Сталине!

Автор позиционирует свой труд как результат анализа не только истории становления российского государства, но и всех составляющих, всех источников национального творчества, на основе которых могла бы быть сформулирована национальная идея. Здесь и фольклор, и литература, и философское наследие, и все, что так или иначе относилось к устремлениям русского народа.

Посмотрим, что было взято в фольклоре — вернее, что было им демонстративно не замечено. «...Здесь нет никаких рабов и угнетенных, никакого “чей стон раздаётся”. Созданный советской пропагандой образ нищеты и убогой России не соответствует образу страны, созданному самим народом и выраженному в его фольклоре» (С. 169). Здесь, как впрочем и во всей работе, автор прибегает к своему излюбленному методу: исследуемый материал проводится через фильтр с незамысловатым

устройством, пропускающим факты, подтверждающие предварительную гипотезу, и отсеивающим все остальные. Я не поленился и набрал в поисковике «пословицы и поговорки»; материалы первого попавшегося сайта (www.krupenichka.ru) стал смотреть по алфавиту. И двух первых букв хватило, чтобы обнаружить множество пословиц, не подтверждающих предложенную версию. Только пословиц, начинающихся со слова «беда», насчитал 26, со словом «бедность» — 13: «баре дерутся — у холопов чубы трещат», «была бы спина, а дубья хватит», «была бы спина, а кнут найдется», «была бы спина, найдется и вина», «была бы шея, а веревку същем», «была бы шея, а хомут будет», «быть бы биту, да сечен кнутом, не плакать о том» и т. д. Невеселые какие-то поговорки. Игорь Борисович такие явно не любит, а потому... не замечает.

Далее автор анализирует великую русскую литературу. И тут просто оторопь берет. Вот, например, как уверенно он обходится со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830) (см. С. 172). Позволю себе напомнить его текст:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плач его с возвышенным челом.

Пророчество потрясающее..., от первой до последней строчки. Но ведь никто из далекого будущего не мог нашептать великому поэту страшные эпизоды российской истории! Ответ может быть только один: в той самой современной ему российской действительности М. Ю. Лермонтов видел все предпосылки для последующей катастрофы. А ведь тогда не родились еще даже родители первых российских большевиков! Да и самому Марксу было всего 12 лет. Действительность же рос-

сийская уже была вполне предрасположена к будущей катастрофе! Позже автор добавляет, что и «Чехов предчувствовал... и Достоевский предвидел...» (С. 358). И как после этого оценивать призывы к восстановлению преемственности с «исторической Россией», «возвращения в Россию»? Или кто-то соскучился по катастрофам?

О национальной идее как таковой

Двинемся далее. В разделе, посвященном отражению национальной идеи в работах отечественных мыслителей, — сплошные эйдосы, перебирать которые совсем не интересно. Автор утверждает, что, «если применить к результатам философских поисков метод частотного анализа, православию и коллективизму окажутся концептами, повторяющимися больше других» (С. 186). (При этом пояснять, как проводился отбор философов, излишне: В. Иванов, В. Соловьев и другие религиозные мыслители; Чаадаев, Чернышевский, Плеханов в этот пантеон не входят.) Углубляться в данный раздел особого смысла нет. Здесь достаточно повторить следующий обобщающий фрагмент (см. С. 184): Вячеслав Иванов в работе «О русской идее», опубликованной в 1909 году, как бы вторя Соловьеву в главном: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу». И это за восемь лет до Октябрьской революции!!! Впрочем, а что еще можно сказать, если за основу анализа принять развитие эйдосов, а не производительных сил и производственных отношений?

Можно еще долго приводить занимательные иллюстрации из книги И. Чубайса (и к этому занятию мы еще вернемся), но все же пора уже «взять быка за рога» и обратиться к тем сжатым формулировкам русской национальной идеи, которые предлагает автор. Таких формулировок, по сути, две. Одна — для России исторической (то есть до 1917 года), вторая — для современной. Выглядят они так:

(1) «Русская идея, система ценностей, на которой выстраивалась историческая Россия, включала в себя три фундаментальных начала — православия, собиранье земель и общинный коллективизм» (С. 187).

(2) «Если содержание возрожденной и реформированной русской идеи представить кратко, оно сведется к пяти ключевым началам — историзму, нравственности, духовности, обустройству и демократии» (С. 465).

Вы — против? Я — нет. Впрочем, такая формула годится для всех стран и народов. Но куда нас, россиян, должна привести модернизированная русская идея? По мнению автора, эта идея должна помочь россиянам выбраться из кризиса, убедить их в необходимости *возвращения в Россию* (С. 357).

Чувствуется уязвимость позиции автора. Но И. Чубайса на мякине не поведешь, подвох он предвидит: «Прозорливый читатель готов задать вопрос с подковыркой: если вновь двигаться на прежней основе, не придем ли мы к тому же кризису, к которому и без того пришли, не занимаясь долгими рефлексиями?» (С. 434). Но, слава богу, выход, оказывается, есть: «Важно *восстановить свою идентичность с учетом изменений, происшедших внутри и вне страны за период, который мы называем временем идентификационного кризиса*» (С. 435). То есть все то же, но с учетом изменений, и тогда новый кризис нам, конечно, грозить не будет. Или не будет грозить кризис столетней давности?

Еще раньше на эту тему были высказаны следующие мысли. «Из кризиса и тупика страну может выгнать только человек российский, способный продолжить ценности тысячелетней России и вписывающий их в современную действительность» (С. 367). «...Выход из кризиса находится на пути *возвращения к истокам, на пути возрождения и восстановления российскости. При этом мы не можем и не должны возвращаться в прошлое, речь не идет о его механическом повторении. Нам необходимо распознать сигналы из истории и вписать их в современность*, необходимо использовать то из тысячелетнего опыта, что может быть адаптировано и продолжено в сегодня, что полезно и будет работать в новых условиях» (С. 392).

То есть надо взять все хорошее (и пригодное для адаптации) из тысячелетнего прошлого, *вписать* все это в современность, и дело будет в шляпе. Все просто и понятно; так что за работу, товарищи!

Не все так просто. Тысячелетний опыт — дело хорошее, но уж слишком ве-

лик срок. И. Чубайс и сам признает, что многие первоначально стоящие перед молодым государством задачи либо давно решены (собираение земель и т. п.), либо потеряли свою актуальность («Москва — Третий Рим»). Да, честно говоря, и само реальное содержание тех ранних идей определить не так-то просто — слишком мало литературных памятников (книгопечатание только-только начало появляться). Наверное, правильнее из этой тысячи лет взять хотя бы последние лет триста. Так половина этого срока приходится на самый жесткий вариант крепостничества, а по сути — рабства. Далеко не все ценности того периода могут быть вписаны в современную действительность: много было и ложных ценностей, что, впрочем, характерно для любых исторических периодов. Ценности бывают вечными (и в них нет национальной специфики), бывают преходящими, а бывают и ложными.

Но естественно возникает вопрос: если мы решим все же по понятным причинам не *вписывать в современность* такие *сигналы из истории*, как самодержавие и рабство, *восстановление* какой такой *российскости* у нас может получиться? Тут, как ни старайся, ничего, кроме религиозных песнопений и банальностей насчет обустройства и демократии, не выстраивается.

Впрочем, в данном вопросе против банальностей как таковых не может быть возражений: все национальные идеи и по форме, и по сути весьма банальны. Проблема на самом деле в реальной актуальности этой самой национальной идеи, *продолжающей ценности* (выбранные И. Чубайсом) и *вписывающей их в современную действительность*. Дело тут даже не только в том, что мы должны различать многословные литературные или философские рассуждения на тему национальной идеи и некие варианты кратких формулировок этой идеи. Для нас важны прежде всего те формы выражения национальной идеи, которые были бы актуальными для конкретного, тем более кризисного, этапа развития страны. Здесь уже речь идет не о сфере теоретических изысканий и построений; идеи такого рода из *эйдосов* не выводятся, они появляются в результате напряженных поисков решения наиболее жгучих проблем, стоящих перед народом. И актуальны они в гораздо более коротких

исторических масштабах: тысячелетняя история тут вообще ни при чем.

У нас почему-то привыкли рассуждать о национальной идее, подразумевая чуть ли не вселенский масштаб, при этом желательнее встраивая ее в едва ли не в эсхатологический контекст. В рассуждениях подобного рода у нас никогда недостатка не было: рецептов всеобщего и вечного спасения всегда было навалом. Недостаток был в национальных идеях, ориентированных на острые проблемы текущего бытия. И все же такие идеи были. Давайте вспомним хотя бы некоторые: «Земля и воля», «С Дона выдачи нет!», «Все для фронта, все для победы!»

Разве это не национальные идеи?! Пусть срок их жизни вовсе не тысячелетний, а последняя-то и вовсе просуществовала только четыре года. Но это были идеи, во-первых, истинно национальные, а во-вторых, необычайно действенные. Значение их неизмеримо выше всех уваровско-чубайсовских формул, сколько бы томов ни было исписано в их обоснование. А там вообще ничего не надо было обосновывать: в трех-четырёх словах и формула, и все ее обоснование.

Сказанное на самом деле вовсе не снижает значения вечных истин и национальных идей, ориентированных и на всемирный охват, и на тысячелетний (и даже более длительный) масштаб. Просто разработка таких идей в период глубокого структурного кризиса, развивающегося в совершенно иных масштабах, имеет ценность только в тех случаях, когда эти масштабные идеи самого общего характера сопряжены с более актуальными кратко- и среднесрочными идеями, сродни тем, пример которых приведен выше. Если этого сопряжения нет, если, к примеру, в период крепостнического гнета и грозящего катастрофой растущего технологического отставания рассуждения о национальной идее ведутся вокруг таких категорий, как *соборность*, *духовность*, *единение*, *православие*... и т. п., то такие рассуждения не просто бессмысленны — они становятся вредными, превращаются в словоблудие. Они создают избыточный информационный фон, отвлекают людей от осознания истинной национальной идеи. Такая идея вплоть до сильно запоздавшей реформы была связана, конечно, со стремлением от-

менить крепостное право, и в народе оно выражалось в требовании *земли и воли*, а в локальном варианте — в замечательном правиле «*С Дону выдачи нет!*».

Во время Великой Отечественной войны о других идеях, в том числе о построении коммунизма, пролетарском интернационализме и т. п., говорить уже не приходилось (даже олицетворявший эту идею Коминтерн был распущен!). Одна была идея: «*Все для фронта, все для победы!*» Выиграли войну — вернулись к магистральной идее.

В период кризиса так и должно быть, тем более на этапе его обострения. А нам опять пытаются навязать винограду из эйдосов, в котором невозможно разглядеть тот самый актуальный на сегодняшний день сигнал, уже давно настойчиво витающий в воздухе, хотя и не в контексте национальной идеи.

Критиковать легко — особенно И. Чубайса. А вот предложить что-нибудь конструктивное... Замечание справедливое, тем более когда идея *давно витает в воздухе*. И. Чубайс претендует на *решение* вопроса о национальной идее, которое нас не устраивает. Давайте предложим иное решение, с учетом всех замечаний, то есть исходя не из эйдосов, а из характера переживаемого страной кризиса, из природы наиболее острых ее проблем. Пусть она будет рассчитана на средне- и даже на весьма короткий исторический период (проблемы тысячелетий оставим за философами).

Итак, какая же национальная идея может быть актуальна в стране, из которой материальных ресурсов вывозится больше, чем в нее поступает, из которой людей уезжает гораздо больше, чем в нее возвращается, в стране, пережившей грабительскую приватизацию, в которой только на госзакупках ежегодно уворовывается более триллиона рублей?

Ответ напрашивается сам собой: идея заключается в том, чтобы *не воровать*. Утопия — скажут многие и будут правы. «Низы» никогда не перестанут воровать, пока воруют «средние», а те — пока ворует «верхушка». А вот если (предположим!) «верхушка» перестанет воровать, то вполне реально отвалить от воровства и «средняков», а затем и всех прочих, пусть не полностью, но в значительной мере.

Поэтому национальная идея у нас выражается в мечте о *неворующих правителях*. *Нестяжание «верхов»* — это и есть самая актуальная российская национальная идея, во всяком случае до тех пор, пока масштаб коррупции не снизится на порядки. Опять утопия? Вовсе нет: примеры в современной истории имеются (скажем, Сингапур), и они хорошо известны.

А теперь давайте напрямую сравним оба варианта формулировок национальной идеи. Подчеркнем при этом, что оба варианта претендуют на решение проблемы!

У автора: *историзм, нравственность, духовность, обустройство и демократия*.

У рецензента: *Нестяжание «верхов»* (власть имущих, «элиты»...).

Не касаясь в данном случае оценки содержательной стороны представления автора о путях достижения каждой из пяти составляющих национальной идеи, все же выскажем предположение, что предложенный И. Чубайсом *квинтет* ни коем образом не отражает российской специфики: он годится для абсолютного большинства стран. Это самая общая идея государственного обустройства, в том или ином виде присутствующая в конституциях многих стран. Образно говоря, вместо самого актуального для данного исторического периода «*единого слова*» национальной идеи автор предложил «*тысячу тонн словесной руды*». (О том, сколько в этой «руде» биомассы совсем иного сорта, сейчас говорить не будем.)

Каждая из пяти составляющих предлагаемой национальной идеи — это либо красивая мечта, либо общий проект, осуществление которого сродни достижению горизонта: и вроде двигаться будем в верном направлении, и к цели ни на шаг не приблизимся. Такая идея не может занять место ни одной из предшествующих реальных национальных идей (*собираание земель, Третий Рим, земля и воля, Третий Интернационал*...). Она не может лечь в основу практических национальных проектов, не может стать мобилизующей силой для населения страны. Действенность подобной идеи сродни выстрелу во всех направлениях: главная мишень в таких случаях остается нетронутой.

Идея *нестяжания «верхов»* иного рода: она нацелена на главную мишень, только поразив которую и может появиться воз-

возможность решения основных проблем, стоящих перед страной. Именно решение этой задачи позволит обеспечить приток инвестиций (как внешних, так и внутренних), соответствующих масштабу страны и ее ресурсов. Именно решение этой задачи даст возможность осуществить и весь выстраданный И. Чубайсом *квинтет* идей. Ведь даже *историзм* — при любой интерпретации прошлого — имеет значение только в том случае, когда создаются реальные предпосылки для достойной истории нынешнего и будущих поколений соотечественников. Можно сказать и иначе: без радикального снижения масштабов верхушечной коррупции не будет ни *демократии*, ни должного *обустройства*, ни подъема *нравственности* и *духовности*. А *историзм* неизбежно будет и далее превращаться лишь в удобный материал для спекуляций политтехнологов.

Ну а что касается утопизма идеи *нестяжания* «*верхов*», то критика на этот счет выглядит весьма неубедительно и сводится в основном к банальному утверждению, что Россия, мол, — это не Сингапур, и повторение опыта Ли Куан Ю невозможно. Но ведь никто и не утверждает, что данный опыт может быть полностью перенесен на российскую почву (хотя такая невозможность никем не доказана); никто не предлагает и повторения некоторых апробированных домашних заготовок радикального решения социальных проблем. Наверняка, могут быть разработаны и современные средства, с учетом и национальных особенностей, и специфики текущего момента, и особенностей переживаемого уже в XXI веке этапа мировой глобализации. Все знают, что у нас творилось в «лихие 90-е» и в «благословенные» нулевые: они тоже стали частью российской истории. Никто сейчас не требует уголовного преследования нуворишей (если на них нет крови). Но как минимум назвать, на самом высоком уровне, вещи своими именами — это ведь вполне возможно. Возможно и удаление от власти (без уголовного преследования и конфискации) лиц, чье сверхкрупное состояние было создано не в сфере производственного предпринимательства (как у Г. Форда, Б. Гейтса, С. Джобса...), а на основе перераспределения в свою пользу бывших государственных ресурсов. Вполне возможно и законодательное ограничение практики офшоров, и принятие

мер, с целью обеспечения независимости судебной системы. Это — как минимум, но и эти меры были бы серьезной подвижкой. Возможны и многие другие меры⁷, причем уже не из сферы *эйдосов* (там-то чего только нет), а детально расписанные и на практике осуществленные во многих странах.

Так что *нестяжание власти имущих* — вовсе не утопия, а вполне реальный проект. Единственное, что создает впечатление его утопичности, — это тупая и примитивная (на уровне динозавров) алчность так называемой элиты. Как и двести лет назад упорно не желающей расставаться со своим нелегитимным богатством — рабами и излишками земли, так и сейчас, не менее упорно не желающая хотя бы поставить заслон на «перетекание» в свои карманы новых триллионов государственных ресурсов. Как и тогда власти удавалось создавать идеологические мифы в оправдание охранительной (самое себя) политики, используя только выгодные для нее *сигналы из прошлого* (игнорируя и фальсифицируя все остальные), так и сейчас — новые и новейшие мифы создаются, по существу, с той же самой целью. Одним из эффективных приемов в этой сфере является даже не создание целостных мифов или идеологических конструкций, а содействие формированию информационного мусора по теме «*национальная идея*».

Именно в этом контексте органично вписывается и книга И. Чубайса «*Российская идея*», с чем и остается поздравить и автора, и читателей.

Хотелось бы отдельно высказать огромную благодарность авторам двух рецензий на шеститомник «*Национальная идея России*»⁸. Соблазн купить эту «эпохалку» у меня был, но пожадничал: и денег было жалко, и сомнения возникли разные, да и прочесть 4440 страниц — это ведь немалый отрезок жизни потратить. Решил отложить покупку. Потом уже, прочтя рецензии, особенно первую, сам себя похвалил за прозорливость. Может и я своим отзывом избавлю кого-нибудь от напрасной потери времени и денег. ◆

⁷ См., к примеру, предложения М. Хазина: М. Хазин. Либералы и приватизация. 10.01.2013. — <http://vz.ru/opinions/2013/1/10/615186.html>

⁸ См. «Свободная Мысль». 2012. № 9/10. С. 197–211.